

«Нестерпимо ясные пределы...»

Заменяя задуманную трагедию другой, ничуть на нее не похожей, история дотла изменяла человека.

Лидия Гинзбург

Как бы ни было наше сознание склонно к обобщению, созданию стройных систем, в повседневной жизни мы опираемся скорее на отдельные принципы, а не на единые мировоззренческие комплексы.

Отношение наших современников к конкретным положениям постмодернизма порой не тождественно отношению к этому направлению как системе установок. В постмодернизме есть немало того, что отталкивает. Есть и то, что бывает просто непонятно на уровне используемого словаря, а также в силу неосведомленности относительно реалий, к которым отсылает тот или иной автор. Но есть, тем не менее, в нем нечто, что кому-то оказывается душевно созвучно. То, что слышится, видится, ощущается в постмодернизме как значимое лично для меня, я бы назвала, прибегая к термину из его же словаря, фрагментацией.

В структурном плане фрагментация отсылает к малому, локальному, обрамленному пределами, «сопротивляющемуся» целостности. В процессуальном — к непостоянству, мерцанию, обрывам и паузам. Наконец, в содержательном плане — к противоречивости, относительности, контекстуальности.

Очевидно, что фрагментация не является исключительно «постмодернистским» достоянием. Это — один из принципов функционирования культуры, с которым работает и постмодернизм, делающий на нем акцент. Фрагментация дает о себе знать в разных сферах гуманитарного знания, в частности, она релевантна для пространства бытия личности. Именно этот ракурс и хотелось бы попытаться затронуть в данной статье, обращаясь к наследию Лидии Гинзбург, а если быть точнее, к текстам ее записных книжек 1920—1980 гг.¹. Не при-

числя Л. Гинзбург к сторонникам или противникам постмодернизма как направления, тем не менее при чтении записных книжек трудно не заметить, что тема фрагментации ее волновала.

Позиция Л. Гинзбург объединяет рефлексию исследователя литературы по поводу повседневных, житейских ситуаций и доверительное повествование о том, что она делает предметом своего изучения. «Художественное исследование невымышленного» – принадлежащая ей самохарактеристика². Литературная форма, жизнь и анализ – три принципиальных для Л. Гинзбург элемента деятельности. Ее записные книжки читаются как выразительный документ внутреннего мира человека. Она одновременно описывает и разбирает индивидуальный опыт и литературу как отражение этого опыта. С присущей ей четкостью и честностью отмечает: «...я изучаю литературу потому, что люблю ее, и потому, что мне в высшей степени свойственно рационалистическое отношение к своим привязанностям, – то есть интенсивность в переживании того или иного и в том числе эстетического наслаждения повышается для меня прямо пропорционально степени логического прояснения и оформления переживания»³. В этом смысле тексты Л. Гинзбург не просто касаются мира повседневной фрагментации, но преподносят урок того, как можно текстуально (в ее случае литературно) работать с данной проблемой.

При чтении записных книжек Л. Гинзбург обращает на себя внимание то, какое значение она придает проблеме предела, границы, конца, считая ее характерной и для индивидуальной судьбы, и для процессов функционирования общества.

Пожалуй, наиболее часто и остро тема предела обсуждается Л. Гинзбург в связи с душевными переживаниями, стоящими за нашими отношениями с учителями, друзьями, любимыми. «Всякие нравственные страдания, в отличие от физических, сопровождаются иллюзией бесконечности»⁴. Л. Гинзбург серьезно относится к человеческой потребности заблуждаться, прибегать к всевозможным обманкам. Вместе с тем она является сторонником трезвых шагов, полагая, что нередко иллюзии, в данном случае установка на «непреодоляемость переживания»⁵, провоцируют нас на неоправданные действия с точки зрения цены жизни. При этом Л. Гинзбург опирается на опыт свой и чужой, на понимание динамики функционирования человеческих чувств. Показательно ее утверждение, что, когда страдание перестает восприниматься как не имеющее конца, оно превращается в иное психическое состояние – настроение, ощущение боли, напоминающей физическую. Даже сугубо умозрительное «введение» конца оказывается необычайно действенной процедурой, с

серьезными последствиями — утратой страданием своей сущности, фактическим его исчезновением: «Представить себе конец — значит покончить»⁶.

Важным представляется то, что Л. Гинзбург избегает однозначных оценок, противопоставления правильного ошибочному: она всякий раз заново ставит вопрос, проводить границу или нет, а если да, то где и как. Проживание ситуации предела, конца трактуется ею как акт, за которым стоит внутреннее усилие, воля. Поэтому она предпочитает вести речь о выборе «стратегии», адекватной конкретным обстоятельствам, в том числе самым повседневным. «Я люблю писать по ночам <...> День весь расчленен; он измеряется и управляется дробными величинами часов; причем каждый час имеет свою характеристику, настойчиво поддерживающую дробление. <...> Дневные часы наказывают нас отвратительным ощущением бестолковости, если мы нарушаем и смешиваем их функции; два часа дня и четыре часа — очень разные вещи. Два часа и четыре часа ночи — почти одно и то же. Все ночные часы в равной мере предназначены для сна; сон же представляется нам скорее потребностью, чем обязанностью. Пересилив эту потребность, мы чувствуем себя вправе исказить лицо ночи по нашему усмотрению. Ночные часы лишены индивидуальных признаков. Время не продвигается толчками, но сливается в поток, протекание которого неощутимо»⁷.

Как бы естественно, свободно ни перемещалась Л. Гинзбург в ходе рассуждений между конечностью и бесконечностью, прерывностью и непрерывностью, нас не оставляет ощущение, что тема границы, конца — для нее ведущая по сравнению с темой континуальности. В какой-то мере, видимо, сам жанр записных книжек диктует соответствующие акценты. Но дело далеко не только в этом. Определенно мы встречаемся здесь с ясно выраженной жизненной позицией. «Для того чтобы человек был жив, его сознание должно многократно умирать и возрождаться, уподобляясь Фениксу <...>

Хорошо уметь кончать периоды жизни по звонку времени»⁸.

Подчеркну еще раз, что перед нами позиция очень гибкая, мудрая и тем заслуживающая уважения. Зная цену и силу пределам, границам, Л. Гинзбург выступает за то, чтобы проводить их аккуратно, во благо. Сделаем маленький круг и вернемся к теме иллюзий, только в этот раз применительно к акту обрыва. «Поспешные разрывы, сердечные и деловые, сопровождаются временной подменой действительности — как в картах. <...> Игра кончилась, и действительность возвращается к нам достоверностью проигранных денег, непринятых рукописей, отношений, погубленных навсегда»⁹.

Объемность, многоплановость трактовки предела Л. Гинзбург достигается во многом благодаря тому, что помимо предела, который ждет человека в конце жизненного пути, для нее очевиден факт большого числа разнообразных «окончаний», случающихся по ходу жизни. Так в записных книжках проблема предела оказывается переплетена с темой множественности жизненных периодов¹⁰. При этом у данной темы есть как минимум одна значительная подтема — этапы любви, эволюция чувства. В своих рассуждениях Л. Гинзбург подразумевает преемственность сменяющих друг друга периодов, будь то жизни в целом или любви. Однако существенно большее внимание она уделяет тому разному, что отличает этапы. Время привносит серьезные метаморфозы в восприятие себя, своих отношений, мира вокруг, наконец, самого бегущего времени. Будучи человеком деятельным и требовательным (в первую очередь к себе), Л. Гинзбург немало пишет о своеобразии задач, соответствующих конкретному возрастному периоду. Записи разных лет показывают, что по мере того, как бегут годы, она вновь и вновь, из разных возрастных точек обращается к теме этапов жизни, как своего рода музыкальной гамме. Проигранная в разных «октавах», эта «тема» звучит на страницах записных книжек с разными вариациями, при этом напоминая о предшествовавших исполнениях.

Трактуя внутреннее движение личности как фрагментированное, Л. Гинзбург фактически воспринимает повседневную жизнь сквозь призму историзма. При таком подходе каждая страничка судьбы, будучи частью книги жизни, предстает по-своему значимой. В придании историзму бытового аспекта просматривается, сколь неабстрактно Л. Гинзбург относится к этому принципу в широкой социальной и временной перспективе. «Подобно грешникам, мы пригвождены к своей истории. <...> Верую в историю, потому что знаю, как она перелдывает души»¹¹.

Неслучайно тема межпоколенческих разногласий, непонимания «учителей» и «учеников» вновь и вновь звучит в записных книжках. Отчетливо просматривается аналогия между тем, сколь разнятся взгляды, доминирующие в каждый последующий исторический период, и тем, как по-разному ведет себя личность на разных возрастных этапах. И в том и в другом случае об инаковости речь идет в контексте бегущего времени. Темпоральный вектор пронизывает записные книжки, тексты которых впечатляют богатством и многообразием жизненного опыта автора.

Л. Гинзбург умеет и любит видеть социальную действительность разноликой, многоплановой, неоднозначной. И параллельно с этим ее интересует, как могут быть выстроены в общественной мозаике связи. Не должны, а именно могут быть. Связи для нее также не являются чем-то раз и навсегда состоявшимся.

Л. Гинзбург придает большое значение связи, как работающей на логику и эстетику: «...неопосредствованное дологическое и доэстетическое переживание жизни есть неразбериха из элементов разного качества, а искусство — организация и единство материала»¹²; «для эстетической значимости не обязателен вымысел и обязательна организация — отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображенных словом»¹³.

Но ценить что-либо для Л. Гинзбург означает понимать возможности этого явления, пределы его эффективности, а также соотношенность с иной, отличной тенденцией. Л. Гинзбург хорошо знает, что привносит связь, но равно и то, что ей не подвластно, что, напротив, (у)дается фрагментации. «И вот оказывается, люди легкие, с разорванным на отдельные моменты сознанием, могут знать о себе много жестокого. Это знание принадлежит у них мгновению, которое задвинется следующим, потом вернется опять. Понимание не разрушает их, именно в силу бессвязности их сознания. А сосредоточенные и рефлектирующие часто поражены по отношению к себе удивительной слепотой.

Они сопротивляются знанию, разрушительному для целостного образа, выработанному с трудом и усилием»¹⁴.

При этом анализ, будь то установки на связь или на бессвязность (фрагментарность), Л. Гинзбург осуществляет, в конечном счете, как уже говорилось, не ради оценки, а скорее ради обнаружения взаимодополнительности и возможного продуктивного совмещения разного. Тем самым каждая из установок обретает адекватное ее потенциалу место и роль в жизни личности, не перечеркивая иную, но делая акцент на остающемся не востребуемым, внося свой вклад. «Хаос и космос душевной жизни. Хаос-толчея несформулированных, неупорядоченных душевных движений. Из нее человек отбирает и строит свой космос — автоконцепцию, то, что он хочет или вынужден знать о себе и о мире. Остаток образует второй психический план. Резерв, из которого то одно, то другое поступает в светлое поле сознания. <...> Невозможное для логической мысли возможно для интуитивных внутренних самоохватов, синхронных и многозначных»¹⁵.

Желание показать эффективность фрагментации, но не в противовес установке на связь, целостность, а в дополнение к ней, придает позиции Л. Гинзбург сбалансированность, самой же фрагментации присуждает лишние очки. Как феномен внутреннего мира личности фрагментарность для Л. Гинзбург представляется не всеобъясняющей, безукоризненной с точки зрения эффективности, но, тем не менее, обладающей «своей правдой», своим полем действия. «Плодотвор-

ные односторонности»¹⁶, «вкус к неведению»¹⁷ — примеры проявления установки на частичность, ограниченность, которые, как показывает в своих записях Л. Гинзбург, бывают продуктивными.

Фрагмент и то, что с ним связано, предстают в записных книжках как моменты принципиальные для позиции Л. Гинзбург, но ни в коей мере не исчерпывающие палитру феноменов, которыми она руководствуется. Л. Гинзбург неоднократно замечает, сколь важно для человека обретение многообразного опыта, ибо жизнь разнолика. Фрагментацию отличает то, что она коррелирует с разным. Следуя логике Л. Гинзбург, фрагментация позволяет, не отрицая большого, структурно выстроенного, что нередко оказывается лишь абстракцией и идеалом, отдавать себе отчет в факте существования малого, частного и считаться с объективностью значительного числа пределов и границ. Тем самым Л. Гинзбург насыщает значением каждое конкретное событие, независимо от его повседневности, его трагедийности, и собственным примером демонстрирует, сколь важны наши усилия применительно к любому из отрезков жизненного пути.

Примечания

- ¹ *Гинзбург Л.* Записные книжки. Эссе. Воспоминания. СПб.: Искусство—СПб, 2002.
- ² Там же. С. 7.
- ³ Там же. С. 34.
- ⁴ Там же. С. 47.
- ⁵ Там же. С. 40.
- ⁶ Там же. С. 40, 47.
- ⁷ Там же. С. 71.
- ⁸ Там же. С. 56.
- ⁹ Там же. С. 100.
- ¹⁰ Показательно, что периодизации, по мнению Л. Гинзбург, подвержены самые разные процессы. («Нереализовавшийся человек на неизбежном пути своей деградации проходит разные стадии». Там же. С. 189.)
- ¹¹ Там же. С. 224—225.
- ¹² Там же. С. 261.
- ¹³ Там же. С. 7.
- ¹⁴ Там же. С. 133.
- ¹⁵ Там же. С. 132.
- ¹⁶ Там же. С. 51.
- ¹⁷ Там же. С. 59.